



Лекция 13
Священники и пророки.
Прерванный и возобновленный
путь души

Глава 18 Книги Второзакония говорит о священниках, левитах и пророках. Относительно священников все достаточно ясно: ими могут быть только потомки Аарона (ст. 1). Священнику помимо десятины принадлежат определенные части жертв, а также начатки от урожая и от шерсти овец (ст. 3–4), —

...Ибо его избрал Господь, Бог твой, из всех колен твоих, чтобы он предстал *пред Господом, Богом твоим*, служил во имя Господа, сам и сыны его во все дни. (Втор. 18, 5)

Относительно же левитов сказано, что если кто-либо из них захочет поселиться вблизи Храма, чтобы служить «на месте, которое изберет Господь», то он должен пользоваться такой же долей от приношений, как и остальные левиты, живущие при Храме (ст. 6–7):

...Пусть они пользуются одинаковою частью, сверх полученного от продажи отцовского имущества. (Втор. 18, 8)

Но что же значит «придет из одного из жилищ твоих» и почему речь идет о продаже имущества? Левиты получили дома (с загородными земельными участками) в городах, разбросанных по землям всех колен (Числ. 35, 1–7). Чем более обширен был удел колена, тем больше левитских городов в нем находилось (Числ. 35, 8).

О левитах Моисей сказал:

...Учат законам Твоим Иакова и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лицо Твое и всесожжения на жертвенник Твой... (Втор. 33, 10)

Здесь сказано о двойной роли левитов: просвещении народа и служении в Скинии. В то же время «курение» символизирует молитвы, которым левиты обучали народ, а «всесожжения» — жертвенную жизнь, которую они вели. Однако любой левит имел право поселиться рядом с Храмом,

чтобы служить в нем. В таком случае он продавал имущество, которым владел в прежнем месте проживания. Это и подразумевается в ст. 8.

...Наряду с левитским служением существует иной, как бы параллельный ему, способ общения Бога с народом — пророчество. Деятельность израильских пророков в корне противоположна культовым прорицаниям ханаанейских жрецов и магов. Вот почему запрет обращаться к последним предпослан разъяснению вопросов, связанных с пророчеством:

Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь, Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии:

Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей,

Обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых... (Втор. 18, 9–11)

Рассмотрим перечисленные категории языческого «духовенства» более подробно. Его иерархия включает девять ступеней.

Первая — это «проводящий сына своего или дочь свою через огонь». В оригинале сказано *ובתו* «*y-vitó*» — «и дочь» (а не «или дочь»), что указывает на посвящение «богам» всех своих детей, а не на принесение некоторых из них в жертву. Поэтому не следует отождествлять данную категорию магов с теми, кто сжигает детей, отдавая их Молоху (Лев. 20, 2–5), — здесь речь идет о детях, которые уже с рождения посвящаются темным духам, состоят с ними в связи и впоследствии сами становятся колдунами.

Вторая — *קסם קסמים* «*косэм кэсамим*», «начертывающий начертания» или «режущий прорези» (в Синодальном переводе — «прорицатель»). Имеется в виду симпатический маг, который через нанесение «ран» изображению данного человека способен причинить вред самому человеку или даже его убить. Такие колдуны могут также влиять на события человеческой жизни, изменяя их естественный ход.

Третья — *מַעוֹנֵן* «*мэонэн*», «обволакивающий» (в Синодальном переводе — «гадатель»). Такие маги умеют «обволакивать» (т. е. загуманивать) сознание и волю людей, подчиняя их себе и заставляя выполнять свои желания. Это воздействие сильнее предыдущего: оно не ограничивается влиянием на телесную природу, но связано с вмешательством в психические процессы.

Четвертая — *מַנְשֵׁשׁ* «*мэнахэш*», «шепчущий» (в Синодальном переводе — «ворожея»). Маги этого уровня могут управлять низшими духами посредством заклинаний, т. е. обладают над ними некой властью.

Пятая — *מַכְשֵׁף* «*мэхашэф*», «шипящий» (в Синодальном переводе — «чародей»). Она включает тех, кто повелевает темными духами более высокого ранга и поэтому способен причинять вред сразу многим людям.

Шестая — *חַבֵּר חֲבֵר* «*хавэр хавер*», «связывающий связью», «оплетающий плетением» (в Синодальном переводе — «обаятель»). Это те, кто умеет магически соединять людей (или целые человеческие сообщества) вопреки их собственным намерениям, а также природным и социальным законам. Спектр действий таких колдунов широк: от «принуждения» к физической близости или брачному союзу до объединения несхожих между собой общественных движений, партий и т. д., которым они навязывают «общие» цели.

Седьмая — *שאל ארב* «шоль ов», «вопрошающий (пра)отца»: имеются в виду те, кто получает указания от более сильных магов прошлого, обладающих могуществом в мире темных сил. Достижение этой ступени входят в ту «черную иерархию», нижние уровни которой достигают преисподней.

Восьмая — *יודוני* «йуд’они», «ведающий», «ведун»: так именуются маги, посвященные в глобальные планы сил преисподней и выбирающие наиболее успешные пути для их осуществления. Это высокая ступень посвящения в «глубины сатанинские» (Откр. 2, 24).

Наконец, девятая — *דרש אל-המתים* «дорэш эль-ѡа-метим», «взыскующий мертвых» или «требующий с мертвых». Речь идет о маге наивысшей ступени, распоряжающемся нечистыми духами, в том числе духами ранее умерших магов, по своему усмотрению и координирующем усилия различных темных сил.

В заключение перечня Моисей возглашает:

...Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего... (Втор. 18, 12)

Здесь заключена основная, «корневая» вина ханаанеев: отпав от Бога и постоянно нарушая все семь заповедей сынов Ноевых, они оказались полностью подчинены иерархии черных сил, возглавляемой «мироправителями тьмы» и «духами злобы» (Еф. 6, 12).

Вновь призвав народ к непорочности пред Всевышним (ст. 13), пророк поясняет, что, в противоположность ханаанеям, евреи будут черпать и знания, и силы из самого Источника жизни:

...Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и пророчателей, а тебе не то дал Господь, Бог твой.
Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой,— его слушайте... (Втор. 18, 14–15)

Далее следует перечисление свойств истинного пророка. Умение отличать его от ложного жизненно важно, поскольку пророк является «каналом» Божественного воздействия, орудием передачи воли Всевышнего, разъяснителем заповедей. Из этого ясно, насколько необходим истинный пророк — посредник между Создателем и людьми и насколько опасен лжепророк, пытающийся исказить развитие духовных процессов как во всем обществе, так и в каждой душе.

Иеремия утверждает, что именно за грехи лжепророков и священников-отступников был разрушен Иерусалим:

...Враг и неприятель вошел во врата Иерусалима.
Все это — за грехи лжепророков его, за беззакония священников его, которые среди него проливали кровь праведников... (Плач. 4, 12–13)

О лжепророках сказано, что они распространяют нечестие по всей земле и за это будут тяжко наказаны:

Посему так говорит Господь воинств о пророках: вот Я накормлю их польною и напою их водою с желчью, ибо от пророков иерусалимских нечестие распространилось на всю землю. (Иер. 23, 15)

Перейдем к описанию признаков истинного пророка.

Прежде всего подчеркнем, что речь идет о каждом пророке, а не об одном, как утверждают некоторые комментаторы, относя ст. 15 (о «пророке... из братьев твоих») только и исключительно ко Христу. Ведь контекст стиха говорит о постоянной, многовековой деятельности пророков Господних, противопоставляя ее гаданиям и волхованиям ханаанейских магов. Стих, таким образом, относится к истинным пророкам вообще, а не только к Мессии.

Однако упомянутые толкователи обращают внимание на то, что в новозаветных текстах данный стих цитируется только применительно ко Христу. Так, апостол Петр призывал жителей Иерусалима:

...Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши,
Да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа,
Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века.
Моисей сказал отцам: Господь, Бог ваш, воздвигнет вам из братьев ваших пророка, как меня,— слушайте его во всем, что он ни будет говорить вам;
И будет, что всякая душа, которая не послушает пророка того, истребится из народа.
И все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии. (Деян. 3, 19–24)

Внимательно вчитавшись в сказанное, мы поймем, что предсказание Моисея о пророке «из братьев ваших» Петр понимал в собирательном смысле — как указание на всех пророков Ветхого Завета, предсказавших пришествие Мессии. Петр в данном случае не разумел под «пророком» только Иисуса (хотя, конечно, Иисус был величайшим пророком). Ведь, призывая своих слушателей уверовать во Христа, Петр ссылается на предсказания о нем «всех святых пророков от века», «всех пророков, от Самуила и после него, сколько их ни говорили». Как раз в связи с необходимостью прислушиваться к голосу «всех пророков» Петр и цитирует вышеприведенные слова о пророке «из братьев ваших»...

Те же слова еще раз упоминаются в защитительной речи диакона Стефана перед Синедрионом:

Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: пророка воздвигнет вам Господь, Бог ваш, из братьев ваших, как меня; его слушайте. (Деян. 7, 37)

Из речи Стефана также нельзя заключить, что он понимал слова Моисея как относящиеся только ко Христу, а не ко всем вообще пророкам. Ведь далее Стефан нигде не развивает эту мысль, а продолжает рассуждение о Моисее (см. там же, ст. 38–41).

Итак, слова Моисея подразумевают всех пророков — вестников Господних, а не одного только Иисуса.

...Вернемся теперь к признакам истинного пророка (подчеркнем, что речь идет о пророке, посланном проповедовать израильтянам).

Первый из них — то, что он происходит מִקִּרְבְּךָ «*ми-кирбеха́*» — «изнутри тебя», «из твоей среды», а также «из братьев твоих» (Втор. 18, 15). То есть он сам должен быть израильтянином, «плотью от плоти» народа Божьего.

Это положение считалось аксиоматичным и в новозаветную эпоху — так что Павел для подтверждения своей апостольской (а значит, и пророческой) миссии приводил следующие доводы: «...я израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова» (Римл. 11, 1); или: «...я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев...» (Флп. 3, 4–5).

Но, кроме того, выражение «из братьев твоих» призвано указать на братское отношение пророка к окружающим, на отсутствие в нем самопревозношения. Гордость и надменность — верные признаки лжепророка...

Еще одно указание: пророка Господь «воздвигнет тебе». «Тебе», а не кому-нибудь другому. Следовательно, пророк заботится о народе Господнем, стремится к его благу, ко спасению каждого его члена; он обременен страданиями, нуждами и заботами окружающих.

И далее: Господь воздвигнет пророка כְּמוֹנִי «*камо́ни*» — «как меня». Это слова Моисея. А значит, каждый пророк в чем-то подобен Моисею, который был «кротчайший из всех людей на земле» (Числ. 12, 3). Моисей, как мы знаем, отдавал все силы на служение народу, будучи самозабвенным ходатаем и заступником за евреев перед лицом Всевышнего (Исх. 32, 30–32).

Напомнив о том, как народ, охваченный страхом, просил его быть посредником при передаче Закона (ст. 16), Моисей продолжает:

И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили;
Я воздвигну им пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу
слова Мои в уста его, и он будет говорить им все, что Я повелю ему...
(Втор. 18, 17–18)

Обетование «воздвигнуть пророка» распространяется на все поколения сынов Израилевых, поскольку о каком-либо ограничении во времени здесь не сказано.

Кроме того, язычники постоянно, в каждом поколении, обращаются к гадателям и кудесникам; а ведь как раз этой их практике и противопоставляется служение пророков Господних. Следовательно, пока Израиль будет верен завету, истинные пророки будут вновь и вновь посылаться к нему. Отсутствие таковых — признак «отчуждения» от Бога, той «стены», которая воздвиглась между Ним и народом, преступившим завет.

Однако наступит день, когда стена грехов падет, и пророчество — «благость Господня» — возобновится:

Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя, и без князя, и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима.
После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа, Бога своего, и Давида, царя своего, и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни. (Ос. 3, 4–5)

В связи с обетованием о пророках возникает важнейший вопрос — об инспирации. Является ли она абсолютной, т. е. передает ли пророк слово

в слово то, что вложено свыше в его сознание, или же он творчески преобразует услышанное слово, воплощая его в терминах своей культурной эпохи, своего индивидуального языка? Как понимать в данной связи выражение: «вложу слова Мои в уста его»? Играют ли при этом какую-либо роль «уста» самого пророка, т. е. индивидуальные особенности его речи (а следовательно, и мышления), ее образно-поэтический строй — или же речь его целиком «запрограммирована» Богом?

Ответ на приведенный вопрос дает сравнительное исследование литературного стиля, образности, сюжетно-композиционных особенностей дошедших до нас пророческих книг или отдельных проповедей. Без сомнения, пророки обладают яркой, неповторимой индивидуальной речью; кроме того, каждому из них присуща своя, в чем-то оригинальная, система мировидения и концепция исторического процесса. Существуют не только отдельные сравнения, метафоры или притчи, но и целые словесно-мировоззренческие структуры, которые позволяют легко отличить, скажем, пророчества Исаии от пророчеств Осии, Иеремии, Иезекииля...

Пророческая весть, внушаемая Духом Божьим, обретает «в устах» (т. е. на индивидуальном языке, тесно связанном с особенностями мышления и мироощущения) каждого пророка свою неповторимую поэтическую форму, что делает многие пророческие речи шедеврами мировой литературы.

Желая наилучшим образом донести Свое слово до сознания людей, Всевышний избирал с этой целью великих пророков-поэтов, пророков-мыслителей. И Его слово, действующее «изнутри» речи этих гениальных провидцев-писателей древности, рассекает «реку времен», разбивает любые преграды. Оно в первозданной свежести и силе доходит до слуха каждого нового поколения, воспламеняя лучшие сердца на служение Всевышнему:

Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу? (Иер. 23, 29)

Но так ли необходимо, в религиозном плане, внимать словам вновь посылаемых пророков? Разве не достаточно прислушиваться к словам самого Закона и стараться исполнять их? На это ясно отвечает Сам Господь:

...А кто не послушает слов Моих, которые пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу... (Втор. 18, 19)

Ведь Тора есть Закон, применяемый к самым различным, притом весьма изменчивым, жизненным обстоятельствам. Следовательно, она должна всегда соответствующим образом интерпретироваться. Понятно, что истинная, безошибочная интерпретация может исходить только от Самого Законодателя — и возвещаться через Его посланников, но никак не через людей «душевных» или «плотских» (см. Римл. 8, 4–8; I Кор. 2, 12–16). Последнего рода толкователей Иисус постоянно обличал в беззаконии и лицемерии. Их деятельность и привела в конце концов Иудею к глобальной катастрофе (Матф. 15, 1–14; 23, 1–39)...

Каждого же истинного пророка следует почитать как вестника Всевышнего, повинуюсь приносимой им вести. Ведь он послан указывать, как именно надлежит исполнять заповеди здесь и сейчас.

Тех, кто отвращает слух от пророка, постигает кара — что же тогда можно сказать об издевающихся над ним или его преследующих?!

Посему, вот Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город;

Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии... которого вы убили между Храмом и жертвенником.

Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей. (*Матф. 23, 34–36*)

Гонение на пророков-апостолов в новозаветные времена имело те же последствия, что и в эпоху Северного и Южного царств, когда цари со своим окружением гнали и убивали пророков:

...Тогда Господь чрез всех пророков Своих, чрез всякого прозорливца предостерегал Израиля и Иуду, говоря: возвратитесь со злых путей ваших и соблюдайте заповеди Мои, уставы Мои, по всему учению, которое Я заповедал отцам вашим и которое Я преподавал вам чрез рабов Моих, пророков.

Но они не слушали и ожесточили выю свою, как была выя отцов их, которые не веровали в Господа, Бога своего;

И презирали уставы Его, и завет Его, который Он заключил с отцами их, и откровения Его, какими Он предостерегал их, и пошли вслед суеты и осустились, и вслед народов окрестных, о которых Господь заповедал им, чтобы не поступали так, как они... (*IV Цар. 17, 13–15*)

В приведенном тексте **עֵדוּת** «эдот» (буквально «свидетельства», в Синодальном переводе — «откровения») как раз и означают пророчества, органически дополняющие и интерпретирующие «уставы и завет». Исаия свидетельствует о таком же соотношении между Законом и откровением (в его книге употреблено слово того же корня **עֵדוּת** «тэуда» — «свидетельство»):

Обращайтесь к Закону и откровению. Если они [предсказатели] не говорят, как это слово, то нет в них света. (*Ис. 8, 20*)

А как же следует поступать со лжепророками, от которых, как мы знаем, происходят самые страшные беды? —

...Но пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти. (*Втор. 18, 20*)

«Предайте смерти»... Так переведено **מָוֶת** «у-мет» — «и мертв» или «и умрет». Во-первых, имеется в виду духовная смерть, которая постигает лжепророка прежде его физической кончины: сознательно поступая наперекор Господу, он отделяет себя от Источника жизни — и поэтому внутренне «мертв». Во-вторых, подразумевается, что лжепророк умрет по воле Всевышнего, будучи Им наказан. Однако в оригинале нигде не говорится об обязанности людей умерщвлять лжепророка (как это можно заключить из Синодального перевода).

Но если пророчествующий «именем богов иных» — лжепророк по определению (поскольку сами «боги» в данном случае ложны), то с пророчествующим именем Господа дело обстоит куда сложнее:

И если скажешь в сердце твоём: «Как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?»

Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, — не бойся его. (*Втор. 18, 21–22*)

Не всегда удается сразу или даже достаточно скоро определить, является ли говорящий от имени Господа истинным пророком или ложным. Особый дар «различения духов» (I Иоан. 4, 1–3; I Кор. 12, 10) имеют немногие. И потому, увы, истинная сущность лжепророков нередко узнается лишь «по плодам их», т. е. по произведенным ими губительным разрушениям:

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?

Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. (*Матф. 7, 15–17*)

— ведь пророк иногда предрекает события более или менее отдаленного будущего, и до времени исполнения (или неисполнения) пророчества не представляется возможным судить о его истинности.

Иногда окружающим бывает даже затруднительно определить, кто подлинный носитель Духа Божьего: тот, кто именуется себя пророком, или же тот, кто обличает его. Так было, например, при дворе израильского царя Ахава, когда пророк Михей и лжепророк Седекия состязались между собой, причем Седекию поддерживало еще около четырехсот (!) лжепророков:

И подошел Седекия, сын Хенааны, и, ударив Михея по щеке, сказал: как, неужели от меня отошел Дух Господень, чтобы говорить в тебе?

И сказал Михей: вот ты увидишь это в тот день, когда будешь бегать из одной комнаты в другую, чтоб укрыться... (*III Цар. 22, 24–25*)

Ахав приказал заключить Михея в темницу до дня, в который сбудется (или не сбудется) его предсказание (III Цар. 22, 26–38). Этому нечестивому царю не было дано отличить истину от лжи. В то же время находившийся рядом праведный иудейский царь Иосафат, хотя и не обладавший даром различения духов, все же интуитивно почувствовал правоту Михея (III Цар. 22, 5–8).

У древних израильтян существовала практика признания новых пророков сначала другими, уже испытанными, их собратьями («сынами пророческими» — IV Цар. 2, 3–15; 4, 38). И лишь после неоднократных проверок по всем указанным в Торе признакам (включая исполнение ряда конкретных пророчеств) данный человек всенародно провозглашался пророком.

Так было, например, с Самуилом:

И возрос Самуил, и Господь был с ним; и не осталось ни одного из слов его неисполненным.

И узнал весь Израиль, от Дана до Вирсавии, что Самуил достоин быть пророком Господним. (1 Цар. 3, 19–20)

После общественного признания данного человека пророком его речи (если имелось на то указание свыше) вписывались в книгу, передававшуюся затем из рода в род.

Слово, которое было к Иеремии от Господа:

Так говорит Господь, Бог Израилев: напиши себе все слова, которые Я говорил тебе, в книгу. (Иер. 30, 1–2)

Впоследствии из таких книг и составилась корпус נביאים «*Нэвийм*» («Пророки») в составе Танаха.

...Глава 19 Книги Второзакония содержит такое предписание:

Не нарушай межи ближнего твоего, которую положили предки в уделе твоём, доставшемся тебе в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе во владение. (Втор. 19, 14)

Буквальный смысл приведенных слов сводится к соблюдению целостности наследственных уделов (ср. Числ. 33, 53–54). В переносном же смысле предписание относится ко всем правам личности и может рассматриваться как древнейшая и самая краткая «декларация прав человека». Согласно этой «декларации», никто не имеет права незванно вторгаться не только в имущественный удел своего ближнего, но и в его внутреннюю жизнь, в сферу его мнений, желаний, интересов и пристрастий. Не имеет права, конечно, лишь до тех пор, пока замыслы и деяния этого ближнего не представляют угрозы для других людей, т. е., по сути, пока тот сам не «нарушает межу». В последнем же случае вступает в действие закон воздаяния (Матф. 7, 2).

А для того, чтобы «не нарушать межи» другого, надлежит помнить заключительные слова стиха: «...в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе...». Каждому дана своя «земля». Но если кто-либо ставит под сомнение права ближнего, то может в наказание лишиться собственных прав...

В этой же главе, возвращаясь к теме свидетельства на суде (ст. 15), Моисей определяет участь лжесвидетеля:

...Судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот — свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

То сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя;

И прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя... (Втор. 19, 18–20)

Насколько праведнее были бы суды нашего времени, если бы эта заповедь неуклонно выполнялась! От скольких преступлений было бы ограждено общество!

...Глава 20 Книги Второзакония содержит предписания на случай войны. Они имеют не только прямой смысл, но и иносказательный, поскольку относятся также к битвам духовным, ведущимся против злых сил.

Сколь бы ни были могучи враждебные «воинства», мы должны помнить, что Творец, покровительствующий добру, всемогущ:

Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней, и колесницы, и народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь, Бог твой... (Втор. 20, 1)

О всеобщей победе добрых сил над злыми, уже свершившейся в незримых сферах и ждущей своего нисхождения на уровень земного бытия, говорит апостол Иоанн:

Дети! Вы — от Бога и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире. (1 Иоан. 4, 4)

Войнам древних израильтян, служившим прообразами великих духовных сражений между Светом и Тьмой, предшествовали увещания священника из рода Аарона (напомним, что имя אהרן «*Агарон*» происходит от אור «*ор*» — «свет»):

Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу,

И скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими — да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их,

Ибо Господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас. (Втор. 20, 2–4)

После проповеди священника надзиратели предлагали возвратиться домой всем, чьи мысли были заняты не предстоящим сражением, а незаконченными домашними делами: новым домом, виноградником, женитьбой и т. п. (ст. 5–7). Им не следовало участвовать в битве, которая требует сосредоточенности и самоотверженной преданности Господу и Его народу:

И еще объявят надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце. (Втор. 20, 8)

В духовном смысле отсюда следуют два вывода. Во-первых, приступая к сражению со злом, человек должен удалить из сердца все отвлекающие мысли и чувства. Во-вторых, в часы совместных молитвенных бдений и духовных браней нежелательно присутствие среди верующих любого, чье сердце занято посторонними заботами: в такие моменты всеобщего единения ослабляющее влияние легко передается от человека к человеку...

Дальнейшие наставления о войне звучат так:

Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир; Если он согласится на мир с тобою и отворит тебе *ворота*, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе... (Втор. 20, 10–11)

Это предписание действительно и по отношению к нашему животному («плотскому») началу, которое враждует с духом и «запирается» от него (Римл. 7, 18–25; Гал. 5, 17). Если удастся «примириться» с ним и уговорить «отворить ворота», тогда животная энергия, преобразуясь, начнет «платить дань» духу — служить его замыслам. В противном же случае плотское начало следует «держат в осаде», не давая ему свободно действовать и избегая, таким образом, разрушительных «дел плоти» (Гал. 5, 19–21):

...Если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его... (Втор. 20, 12)

Но после обуздания животных сил («взятия города») их следует направить на служение духу:

...И когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча;

Только женщин, и детей, и скот, и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих, которых предал тебе Господь, Бог твой... (Втор. 20, 13–14)

Более точный перевод: «и [когда] отдаст его Господь, Бог твой, в руку твою, и [когда] поразишь всякого мужчину его острием меча». А значит, «поражать всякого мужчину» после взятия города отнюдь не требуется, ибо речь идет о сопротивляющихся во время битвы мужчинах-воинах, а вовсе не об истреблении беззащитных мирных жителей.

В индустриальном же смысле имеется в виду полное подавление сил плоти, активно сопротивляющихся духу. После этого подчиненные эмоции («женщины и дети») и животные силы («скот») переходят в распоряжение победившего духа.

...Однако нельзя примиряться с городами, жители которых не согласны отречься от темных культов и ожесточенно воюют с народом Господним:

...Но предай их заклятию: хеттеев, и аморреев, и ханаанеев, и ферезеев, и евеев, и иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой,

Дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом, Богом вашим. (Втор. 20, 17–18)

Так же и в нашем внутреннем мире есть помыслы и влечения, примирение с которыми недопустимо. Их можно только целиком предать заклятию — «изгнанию из Святой земли». Если этого не сделать, в душе воцарится «мерзость запустения» (Дан. 9, 27). Особенно сказанное относится к идолопоклонству, а также магии и другим формам общения с темными духами.

...И еще одно важное указание на случай войны:

Если долгое время будешь держать в осаде какой-нибудь город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревьев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление... (Втор. 20, 19)

Израильтяне призваны заботиться об экологии той местности, в которой находятся, и, тем самым, даже в военное время готовить почву для мирной жизни.

Но здесь есть и иной, психологический, подтекст: ведя внутренние брани с животным началом, человек должен быть крайне осторожным, дабы не повредить важнейшим основам своей жизни. Ведь связь между разными уровнями человеческого существа — духовным, душевным и плотским — чрезвычайно тонка и до конца не исследима. Поэтому прежде, чем «ополчиться на брань», надо хорошо усвоить искусство духовных битв — научиться, «осаждая город», щадить и беречь «плодовые деревья» в его окрестностях. Всякий имеющий опыт подобных «битв» поймет, что здесь имеется в виду...

...В первой части главы 21 Книги Второзакония описано очищение земли от пролитой крови: если убийца не наказан (Исх. 21, 12–14), то вину за кровь несут все, кто не способствует правосудию. Но что делать, если убийца неизвестен? —

Если в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его,

То пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого... (Втор. 21, 1–2)

Ответственным считается город, наиболее близкий к месту убийства (разумеется, расстояние не измерялось буквально, а определялось на основании географических данных). Ближние города метафорически изображаются как расположенные «вокруг» убитого: они словно бы «толпятся», окружив его, переживают случившееся и размышляют о своей к нему причастности... Эта картина указывает на редкость, исключительность такого события, как убийство: жизнь человека представляется ценностью столь высокого порядка, что целые города готовы нести ответственность за ее насильственное пресечение! Увы, подобная картина уже с трудом представима в наше время...

...И старейшины города того, который будет ближайшим к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали и которая не носила ярма,

И пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколют там телицу в долине... (Втор. 21, 3–4)

Телица, которую не запрягали для пахоты, символизирует человека, чья жизнь была насильно прервана и чьи труды не завершены — он как бы «не пропахал свое поле». А дикая, не засеваемая долина — образ тех дел, которые не смог совершить человек вследствие внезапной смерти. Заклание телицы в такой долине символически воспроизводит происшедшую трагедию...

Эту телицу нельзя рассматривать в качестве жертвы, поскольку жертвы разрешено приносить только на территории Храма (Втор. 12, 13–14). В то же время мясо телицы не вкушается, поэтому она не может быть приравнена и к животным, закалаемым в пищу (Втор. 12, 15–16).

Какую же цель преследует описанный обряд? Он намекает на духовную причину, вызывающую преждевременную смерть (в том числе от руки убийцы): причина — в отказе человека от выполнения своей жизненной задачи («вспахивания своего поля»). Этот грех, совершенный в данном существовании (или в одном из предыдущих), заводит душу, пренебрегающую своим долгом («не носящую ярма»), в такие жизненные лабиринты («дикую долину»), выбраться из которых она уже не может, — и погибает...

Жизненная задача сравнивается со вспахиванием поля и в новозаветной притче:

...Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия. (Лук. 9, 62)

Однако в первую очередь обряд имеет непосредственную цель: очистить общество (и прежде всего жителей ближайшего города) от пролитой крови. При этом, с одной стороны, дается наглядный духовный урок, с другой — ответственность за содеянное возлагается на убийцу и снимается с судей, не имеющих возможности вынести приговор преступнику. В то же время старейшины города, участвуя в обряде, заявляют этим о своей готовности наказать убийцу, как только его обнаружат:

...И все старейшины города того, ближайšie к убитому, пусть омоют руки свои над *головой* телицы, зарезанной в долине,

И объявят, и скажут: руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели;

Очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови. И они очистятся от крови. (Втор. 21, 5–8)

Из сказанного ясно, что при невозможности исполнить заповедь (в данном случае — покарать убийцу) следует обратиться к Господу с просьбой о прощении. Поэтому город, во главе со старейшинами, очищается от крови посредством описанного выше обряда:

Так должен ты смывать у себя кровь невинного, если хочешь делать доброе и справедливое пред очами Господа. (Втор. 21, 9)

Конечно, «смывать кровь» подобным способом можно лишь при невозможности отыскать убийцу. Во всех же других случаях надлежит исполнить Шестую Заповедь со всеми относящимися к ней предписаниями (Исх. 20, 13; 21, 12–14; Втор. 19, 1–13 и др.).

...На Древнем Востоке пленные сопоставлялись с мертвыми, поскольку были совершенно лишены человеческих прав. В Египте их даже именовали «живыми усопшими». Поэтому не случайно за предписаниями об убийстве следуют заповеди, касающиеся пленницы. Но как разительно отличается библейское отношение к ней от языческих обычаев той же эпохи! —

Когда выйдешь на войну против врагов твоих, и Господь, Бог твой, предаст их в руки твои, и возьмешь их в плен,

И увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену... (Втор. 21, 10–11)

Прежде всего заметим, что сказанное направлено против незаконного сожительства с пленницей, тем более — насилия над ней (что почти повсеместно распространено во время военных действий в любую эпоху). На пленнице разрешено только законно жениться (в Синодальном переводе — «захочешь взять ее себе в жену»; в оригинале — «ты должен жениться на ней»). Но поскольку никакую женщину нельзя принудить к вступлению в брак (о чем свидетельствуют все без исключения описанные в Библии случаи женитьбы израильтян), то и здесь речь может идти только о добровольном согласии пленницы.

В каком же случае такое согласие может быть получено? Разумеется, только в том, когда пленница почувствует себя окруженной любовью, заботой и вниманием, а кроме того, воочию убедится, что общество, в котором она оказалась, гораздо более гуманно, чем ее прежнее языческое окружение. Наблюдая отношения между людьми в новом для нее обществе, она поймет превосходство Торы над языческими установлениями, а уже благодаря этому осознает величие и милосердие единого Бога.

Какими же условиями обусловлен брак с пленницей? —

...Приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою, и обрежет ногти свои,

И снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою... (Втор. 21, 12–13)

Еще одно, притом главное, условие уже оговорено в Торе ранее: поскольку еврею запрещено жениться на идолослужительнице (ср. Исх. 34, 16; Втор. 7, 3–4), брак с пленницей возможен лишь при ее согласии вступить в завет Божий. Вступление же в завет требует значительной внутренней и внешней подготовки — поэтому реально брак с пленницей заключался не сразу по завершении тридцати дней траура, а только после принятия ее в народ Господень.

Пленницу, которая согласна жить по Закону Всевышнего и отвечает израильтянину взаимной любовью, следует «вести в дом» будущего мужа, что означает официальное представление ее всем родственникам и делает невозможным незаконное с ней сожительство.

А острижение головы и обрезание ногтей — знак ее траура по погибшим родственникам:

И Господь... призывает вас в этот день плакать и сетовать, и остричь волоса и препоясаться вретischem. (Ис. 22, 12)

Не справив траура по родителям, нельзя готовиться к радостям супружества. Таким образом, соблюдение Пятой Заповеди — первое, чему пленница научается в доме будущего мужа.

Еще один смысл обряда острижения головы и обрезания ногтей, а также снятия «пленнической одежды», т. е. одежды, в которой женщина была взята в плен, — в том, чтобы израильтянин, достаточно продолжительное время созерцая ее в «неприкрашенном» виде, основательно проверил свои чувства...

Далее описывается обращение с пленницей, ставшей женой, в случае развода:

...Если же она *после* не понравится тебе, то отпусти ее, *куда* она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай ее в рабство, потому что ты смирил ее. (Втор. 21, 14)

Как видим, прежнее состояние этой женщины никакого юридического значения не имеет: она теперь — полноправная представительница народа Господня, к ней применяются те же правила, что и к любой израильской женщине при разводе (ср. Втор. 24, 1–2).

Тема взаимных обязанностей супругов развивается далее: говорится о ситуации, когда муж отдает предпочтение одной из жен (в Древнем Израиле встречалось многоженство: Тора не содержит требования обязательной моногамии, хотя первоначально она была единственной формой брака — ср. Быт. 2, 23–24; 7, 13). Однако более сильная привязанность мужа к какой-либо из жен не должна отражаться на судьбе детей:

Если у кого будут две жены — одна любимая, а другая нелюбимая, и как любимая, *так* и нелюбимая родят ему сыновей, и первенцем будет сын нелюбимой,—

То при разделе сыновьям своим имения своего он не может сыну жены любимой дать первенство пред первородным сыном нелюбимой;

Но первенцем должен признать сына нелюбимой *и* дать ему двойную часть из всего, что у него найдется, ибо он есть начаток силы его, ему *принадлежит* право первородства. (Втор. 21, 15–17)

Заметим, что соблюдение данной заповеди могло бы в свое время избавить народы Европы от кровопролитных войн из-за престолонаследия. Это еще один пример непреходящей актуальности Закона, который многие считают «ветхим» и «упраздненным»...

Поскольку речь шла о наследниках, далее, по ассоциации, рассматривается вопрос о «буйном и непокорном» сыне:

Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их... (Втор. 21, 18)

Затем говорится об обращении в судебную инстанцию и об осуждении человека, дерзко нарушающего Пятую Заповедь, на смертную казнь через «побиение камнями» (см. наш комментарий к Лев. 20, 27 на с. 685–687).

Известно, что согласия обоих родителей на предание сына смертной казни не наблюдалось в течение всей истории Израиля. Очевидно, данное установление призвано иллюстрировать ту мысль, что от исполнения Пятой Заповеди зависит сама жизнь человека: ведь если родители и не осудят на смерть дерзкого сына, то это может сделать Сам Создатель (ср. Еф. 6, 1–3)!..

Опять-таки по принципу ассоциативной связи, за упоминанием смертной казни следует предписание о том, что тело казненного не должно быть лишено чести, воздаваемой телу любого покойника. Своей смертью

преступник, возможно, уже искупил содеянное, и тело его удостоивается быстрого погребения:

Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве,

То тело его не должно ночевать на дереве, но погреби его в тот же день, ибо проклят пред Богом *всякий* повешенный *на дереве*, и не оскверняй земли твоей, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел. (Втор. 21, 22–23)

Тело казненного, выставленное на всеобщее обозрение, рассматривается как «проклятое» — наиболее униженное и обесчещенное. Здесь мы находим дополнительное объяснение того, почему именно распятию, казни столь унижительной, подвергся Мессия (Иоан. 3, 14–16; 12, 32–33; Гал. 3, 13–14)...

...Ряд особых установлений содержится и в главе 22. Уже с первых ее слов утверждается принцип братства как основа взаимоотношений между людьми:

Когда увидишь вола брата твоего или овцу его заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему... (Втор. 22, 1)

Отсюда, казалось бы, следует, что бескорыстная помощь (обозначенная на примере возвращения скота) должна оказываться лишь кровному родственнику (др.-евр. ПН «ах» означает «брат» или «сородич»). Но уже следующий стих безмерно расширяет понятие «брат», прилагая его ко всякому члену общества, испытывающему затруднения и нуждающемуся в помощи:

...Если же недалеко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то приberi их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их... (Втор. 22, 2)

Оказывается, человек может «не знать» своего брата! Следовательно, им может оказаться любой, чей «скот заблудился», т. е. кто нуждается в содействии. Отношения братства распространяются на всех без исключения — «как туземцев, так и пришельцев». Приведенная заповедь охватывает все случаи оказания помощи:

...Так поступай и с ослом его, так поступай с одеждой его, так поступи со всякою потерянною *вещью* брата твоего, которая будет им потеряна и которую ты найдешь; нельзя тебе уклоняться *от сего*. (Втор. 22, 3)

Продолжением той же темы служит и следующее предписание о бескорыстной взаимопомощи:

Когда увидишь осла брата твоего или вола его, упавших на пути, не оставляй их, но подними их с ним вместе. (Втор. 22, 4)

Легко представить себе, как изменился бы весь строй современного «общества потребления», если бы эти предписания всеми исполнялись!..